

П. Г. Виноградов

**Книга для чтения по истории
средних веков**

**Составленная кружком
преподавателей. Выпуск 2.
Часть 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Г. Виноградов**
Книга для чтения по истории средних веков: Составленная кружком преподавателей. Выпуск 2. Часть 2 / П. Г. Виноградов — М.: Книга по Требованию, 2014. — 505 с.

ISBN 978-5-519-14408-7

Пáвел Гаврилович Виногráдов (англ. Paul Vinogradoff; 1854—1925) — крупнейший русский историк-медиевист и правовед. Ученик В. И. Герье, его преемник в Московском университете. Окончил 4-ю московскую гимназию с золотой медалью (1871). Поступив в Московский университет на историко-филологический факультет в 1871 году он с первого же курса начал посещать семинарии В. И. Герье. Оставленный в 1875 году при университете для подготовки к профессорскому званию, он отправился в заграничную командировку, причём фактически за свой счёт — для издательства К. Т. Солдатёнкова он выполнил перевод «Истории цивилизации во Франции» Ф. Гизо. В Берлине он занимался у Теодора Моммзена и Генриха Бруннера, слушал лекции Леопольда фон Ранке. После возвращения из-за границы в 1876 году Виноградов стал преподавать на Высших женских курсах, а позже — в университете сторонним преподавателем. С 1881 года, после защиты магистерской диссертации, приват-доцент; с 1884 года по 1889 год — экстраординарный профессор; в 1889—1901 годы — ординарный профессор кафедры всеобщей истории Московского университета. Член-корреспондент Императорской академии наук с 5 декабря 1892 года (действительный член — с 18 января 1914 года). В 1897 году был гласным Московской городской думы.

ISBN 978-5-519-14408-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А что же стало съ туземнымъ населеніемъ Палестины? Населеніе въ городахъ и пригородныхъ областяхъ, надъ которыми еще недавно господствовали турки, было попрежнему главнымъ образомъ христіанскимъ и состояло изъ грековъ, армянъ, сирийцевъ, жившихъ промыслами и земледѣліемъ. Только въ немногихъ городахъ (Триполисъ, Бейрутъ, Сидонъ) магометане получили разрешение жить и заниматься своими промыслами: пряденіемъ шерсти и тканьемъ: вся же масса арабскаго населенія подъ властью франковъ осталась въ селяхъ на положеніи колоновъ (крѣпостныхъ), обрабатывавшихъ земли господь и платившихъ имъ опредѣленную часть своего урожая. При первомъ завоеваніи рыцари присвоивали себѣ земли не только враговъ-магометанъ, но и всего христіанскаго населенія. Этимъ крестоносцы какъ бы толкали его въ лагерь турокъ. Съ теченіемъ времени франки замѣтили свою ошибку и сдѣлали христіанамъ рядъ уступокъ. Но сирийцы никогда не получали равенства съ франками и затаили свое недовольство. Франки не могли вполнѣ полагаться на нихъ и считали ихъ лживыми, наклонными къ магометанству и культурѣ арабовъ, на языки которыхъ они и говорили, удерживая греческій только для богослуженія. По городамъ сирийцы занимались промыслами, въ сельскихъ областяхъ садоводствомъ и землепашествомъ, напр., разведеніемъ сахарныхъ плантаций. Какъ разъ въ сельскихъ областяхъ добились они впослѣдствіи, благодаря своему хозяйственному значенію, и большей независимости. По обычаямъ Іерусалимскаго королевства, тамъ, гдѣ они жили густой массой и составляли особья общины (коммуны), сирийцы имѣли свои собственные суды (*cours de reis* — отъ арабскаго слова *reis*, т. е. староста). Подобная же уступка, какъ сирийцамъ-христіанамъ, франки сдѣлали и еврейству: и въ Іерусалимскомъ королевствѣ и на Кипрѣ евреи пользовались неограниченной гражданской свободой. Въ сѣверной части Іерусалимскаго королевства важную долю населенія составляли армяне; съ выдающимися способностями къ торговлѣ они соединяли воинственность, часто рыцарскую, и подъ властью крестоносцевъ были по своему положенію приравнены къ сирийцамъ.

Паломниковъ и крестоносцевъ, которые приходили въ Палестину Земледѣліе. изъ сѣверныхъ, болѣе суровыхъ странъ, поражали роскошь и щедрость южной природы въ нѣкоторыхъ частяхъ Сиріи. Бургвардъ изъ Монте-Сиона, посѣтившій Востокъ около 1280 г., хвалилъ плодородіе густонаселенныхъ частей Ливана и Антиливана съ ихъ пастбищами, садами и виноградниками; мѣстность вокругъ Курд-

скаго укрѣпленія¹⁾), по его словамъ, густо заселена крестьянскими дворами, покрыта насажденіями маслинъ и виноградниками и богата фруктовыми садами, рощами, лугами и водой. Раемъ показалась ему затѣмъ береговая полоса около Триполиса; нигдѣ онъ не видывалъ такого количества вина, оливокъ, фигъ и сахарнаго тростнику. Собственно земледѣльство далеко не было настолько развито, чтобы избавить страну отъ необходимости ввозить хлѣбъ съ Запада. Съяли, какъ и теперь, только пшеницу и ячмень, да нѣкоторыя стручковые растенія: бобы, горохъ, чечевицу. Но зато садоводство достигало здѣсь высокой степени совершенства. Уже въ началѣ среднихъ вѣковъ вина Палестинѣ считались самыми крѣпкими и благородными при дворѣ византійскихъ императоровъ. Бургвардъ особенно хвалилъ лозы на высотахъ Виелеема и по скатамъ Ливана близъ Сидона. Маслины произрастали не только въ садахъ на равнинѣ Триполиса и по склонамъ южного Иордана; эти деревья попадались еще густыми рощами; самыя оливки собирались главнымъ образомъ на масло. Изъ фруктовыхъ деревьевъ обычными были: фиги, лимоны апельсины, гранаты, миндаль, но для болѣе привычныхъ франкамъ груши, яблокъ, вишень и орѣховъ условія почвы и климата были здѣсь не такъ благопріятны, и ихъ выписывали изъ Дамаска. Все побережье и въ особенности область Триполиса славились своими плантациами сахарнаго тростника. Франки научились у сирійцевъ добывать сахаръ, выдавливая сокъ изъ тростника особыми прессами въ родѣ мельницъ; для этихъ работъ употреблялись часто магометане-плѣнники. Тиръ даже славился своими сахароварнями; отсюда выписывалъ Фридрихъ II въ 1239 году мастеровъ, чтобы поднять въ Сициліи упавшее было тамъ сахарное дѣло. Франки, какъ ученики и преемники арабовъ въ Палестинѣ, занялись и насажденіемъ плантаций хлопчатника. Но кажется, эта отрасль земледѣлія не имѣла въ ихъ рукахъ большого успѣха: хлопокъ изъ окрестностей Лаодицеи, Бейрута и Аккона цѣнился всегда ниже привозного изъ Алеппо и Амаха (Намах) и не могъ равняться даже съ хлопкомъ Арmenii и Дамаска. Подъ господствомъ христіанъ упала и культура бальзамаго дерева. Петръ изъ Монте-Кассино въ плодоносной низинѣ Иерихона нашелъ еще плантаций этихъ деревьевъ; стволы надрезывались острыми камнями, и драгоценный сокъ собирался по каплямъ. Однако франки внимательнѣе отнеслись къ другимъ подобнымъ же деревямъ.

1) Одна изъ главныхъ крѣпостей сѣверной Сиріи (Castrum Curdorum).

въямы, изъ которыхъ добывались лѣкарства и благовония масла, наприм., мирра, мастика, терпентинъ. На границѣ сельско-хозяйственной и собственно промышленной дѣятельности стояло разведеніе шелковичныхъ червей, доставшее въ Сиріи высокой степени процвѣтанія еще при господствѣ византійцевъ; да и франки знали тутовое дерево уже въ южной Италии и Сицилии. Средоточіемъ этого промысла было Триполисъ, гдѣ въ концѣ XIII в. работало не менѣе 4 тысячъ ткацкихъ станковъ для шелку. Къ текстильной промышленности примыкали красильни; въ долинѣ Йордана разводилось индиго, а на берегу древней Финикии попрежнему находили знаменитую пурпурную улитку. Стеклянными произведеніями все еще славился Тиръ.

Но франки не внесли въ страну болѣе совершенныхъ приемовъ сельского хозяйства, развѣ что только итальянскія колоніи (коммуны) и населеніе духовно-рыцарскіе ордена примѣняли къ разработкѣ своихъ земель рациональные приемы: вся масса франкскаго рыцарства не шла далѣе чисто хищническаго отношенія къ угодьямъ и приспособлялась къ тому строю сельской жизни, который сложился еще до крестовыхъ походовъ. Поземельные отношенія въ сельскихъ областяхъ вели свое начало отъ порядковъ, существовавшихъ подъ византійскимъ владычествомъ. Арабы-завоеватели смѣвили только сирійскихъ и византійскихъ помѣщиковъ въ ихъ власти надъ землями. Колоны (крѣпостные), преимущественно сирійского происхожденія, продолжали нести въ пользу арабовъ повинности, къ которымъ они были раньше обязаны относительно грековъ или своихъ единоплеменниковъ. По магометанскому праву, населеніе вновь завоеванныхъ областей должно было платить подушную подать, какъ выкупъ за свою жизнь и свободу, и затѣмъ поземельную подать, которая не должна была превышать половины урожая; то населеніе, которое переходило въ исламъ, попадало еще въ болѣе благопріятныя условія и платило только обычную у магометанъ поземельную десятину. Завоеваніе Палестины турками ничего не измѣнило въ положеніи колоновъ, потому что и среди нихъ господствовали чисто феодальный отношенія: вождь-завоеватель раздавалъ завоеванные земли своимъ полководцамъ, которые дробили ихъ далѣе между своими подчиненными. Каждый турокъ-землевладѣльцъ несъ военную повинность по отношенію къ верховному собственному, отъ которого получила землю, а доходы съ земли и ея населенія давали ему возможность отбывать эту повинность. Поэтому турки, оставаясь чисто военнымъ слоемъ населенія, не вни-

кали въ хозяйственныя порядки на своихъ земляхъ, предоставляя ихъ вѣдѣнію самихъ оброчныхъ колоновъ и слѣдя только за правильнымъ поступлениемъ оброка (ренты). Эту оброчную систему хозяйства удерживали и рыцари франкіи.

Немногочисленные крестьяне, переселявшіеся съ Запада, представляли въ Іерусалимскомъ королевствѣ исключение по своему сравнительно независимому положению. Чаще всего они становились свободными арендаторами и платили за землю франку-рыцарю деньгами или сельско-хозяйственными продуктами. Сохранилась, наприм., грамота Балдуина III отъ 1153 г., опредѣляющая условія, на которыхъ Жираръ-де-Валансъ получилъ отъ короля дозволеніе заселить одинъ хуторъ (*casale*) латинскими колонистами: колонисты получали отъ предпринимателя усадьбу и участокъ земли въ полную наследственную собственность, но должны были зато платить королю съ урожая своихъ полей $\frac{1}{7}$, съ виноградниковъ и садовъ $\frac{1}{4}$, а съ насажденій маслинъ даже $\frac{2}{3}$; пятнадцатый хлѣбъ изъ ихъ хлѣбныхъ печей принадлежалъ тоже королю.

Напротивъ, масса сельского населенія, оставшаяся отъ арабскаго владычества, находилась въ тяжелой крѣпостной зависимости и составляло одно цѣлое съ земельными участками, на которыхъ жила: сирійскій крѣпостной могъ быть даже оторванъ отъ семьи, проданъ, подаренъ или данъ въ обмѣнъ своимъ господиномъ. Кипрскій юристъ Филиппъ Наваррскій приравниваетъ такихъ крѣпостныхъ къ рабочему скоту или сельско-хозяйственнымъ орудіямъ; безъ всякихъ личныхъ правъ они были отданы на произволъ рыцарей и фохтовъ. Различіе въ религіи или, по крайней мѣрѣ, въ расѣ между господиномъ и вилланомъ и отсутствіе освященнаго временемъ „обычая“ сдѣлали крѣпостную зависимость на Востокѣ болѣе тягостной. Въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда Ричардъ Львиное Сердце предоставилъ Кипръ тампльерамъ, они вызвали возвстаніе сельского населенія острова, вздумавши, было, обращаться съ нимъ, какъ со своими колонами въ Сиріи, т. е. подвергать ихъ побоямъ и облагать податями. Обыкновенно рыцарскій ленъ распадался для цѣлей хозяйства на хутора, а отдельный хуторъ (*casale*) дробился уже на плуги (*chartue, caggusata*), т. е. участки земли, для ежегодной обработки которыхъ хватало пары воловъ; къ хутору примыкали лѣса и луга, находившіеся въ общемъ пользованіи крестьянъ, а иногда и виноградники, фруктовые сады, насажденія маслинъ. Крѣпостные, обрабатывавшіе такой хуторъ, несли повинности трудомъ, продуктами земли и даже деньгами. Они до-

ставляли въ замокъ рыцаря куръ, яйца, хлѣбъ, медъ. Хотя путешественникъ XIII в. Рубрукъ (Roubrouque) и отмѣчаетъ, что сирійские крѣпостные въ общемъ платили $\frac{1}{3}$ урожая, но, кажется, никакихъ твердыхъ предѣловъ для оброка не существовало. Изъ личныхъ повинностей (барщинъ) самая тяжелая—работа надъ проведеніемъ и починкой дорогъ — существовала уже при арабахъ.

Гораздо сильнѣе былъ приливъ западныхъ переселенцевъ въ Городское города, где прежнее населеніе при первомъ завоеваніи было или перебито, или вытѣснено на окраины. Появленіе крестоносцевъ измѣнило весь строй городской жизни. Какъ разъ здѣсь, однако, чаще всего приходилось сталкиваться и смишываться различнымъ слоямъ пестраго населенія Палестины. Для промысловъ и торговли выходцы съ Запада нуждались на первое время въ переводчикахъ, писцахъ, мѣнялахъ, маклерахъ, стряпчихъ, хорошо знавшихъ мѣстная условія и обычай; мелкие промыслы и ремесла тоже остались въ рукахъ чужеземцевъ. Но и по городамъ завоеватели несливались съ завоеванными, а потому и здѣсь не могло выработать никакой цѣльной гражданской жизни. Люди различныхъ національностей не могли, напр., свидѣтельствовать другъ противъ друга въ судахъ. Среди пришлага населенія тоже господствовали рознь и отчужденіе между представителями отдѣльныхъ народностей Запада: французы, нѣмцы, итальянцы продолжали поддерживать связи съ родиной и не пускали въ городахъ Палестины такихъ прочныхъ корней, чтобы во всѣхъ сосѣдяхъ видѣть согражданъ и соплеменниковъ; а у итальянцевъ и на новыхъ мѣстахъ жительства тлѣло старое соперничество между венеціанами, пизанцами, генуэзцами и т. д. Въ Акконѣ у итальянскихъ горожанъ были отдѣльные кварталы, у англичанъ и нѣмцевъ ихъ собственные улицы и склады товаровъ; все они жили по обычаямъ своей родины. По образу жизни франки-горожане, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ крупную промышленность и заморскую торговлю, рѣзко отдѣлялись отъ мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ изъ среды туземцевъ. Окруженные рабами и слугами, эти богатые нѣгоціанты добивались иногда привилегій, которые ставили ихъ почти на одну ступень со знатью, и даже скупали феодальныя земли у обѣнившихъ рыцарей, наимая ихъ же потомъ за жалованье для отбыванія военныхъ повинностей. Поэтому врядъ ли показалось чѣмъ-либо чрезвычайнымъ, что Баллань д'Ибеленъ, найдя въ Иерусалимѣ послѣ пораженія при Гиттинѣ всего только двухъ рыцарей, выбралъ тотъ-же изъ горожанъ 50 человѣкъ, способныхъ нести военную

службу, и посвятил ихъ въ рыцари. Но этому привилегированному гражданству не удалось въ Палестинѣ добиться коммунальной независимости, по примѣру Италии или французскихъ городовъ. Горожане (*burgenses*), какъ члены замкнутой корпораціи, называются наряду со знатью и духовенствомъ для Антіохіи и Іерусалима уже въ грамотахъ 1135—36 гг. Но такой корпораціи не доставало полнаго самоуправления. Можетъ быть, ради военныхъ цѣлей іерусалимскіе короли и бароны сосредоточивали всю высшую власть надъ городами въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Горожане находились обыкновенно подъ управлениемъ виконта (вицеграфа), назначенного сеньоромъ города безъ участія горожанъ. Ему принадлежали въ городѣ высшая гражданская и военная власти, онъ или его балы предсѣдательствовалъ и въ *Cour des bourgeois*. Такая „палаца горожанъ“ (*cour des bourgeois*), какъ высшее судебное и административное учрежденіе, состояла изъ 12 присяжныхъ (*jurés*) горожанъ, но опять-таки по назначению.

Торговля. Зато горожанамъ вполнѣ открылось на Востокѣ другое широкое поприще для дѣятельности—это левантская торговля, посредничество между Востокомъ и Западомъ. На берегахъ Палестины совершался теперь обмѣнъ произведеній Европы и Азіи. Купцы Генуи, Пизы, Амальфи, Монпелье и Марселя спускались обыкновенно со своими судами вдоль западнаго берега Италии до Мессины и послѣ продолжительного отдыха держали путь далѣе на греческіе острова: Кандію, Родосъ, Кипръ, откуда уже достигали сирійскаго берега у Тира и Аккона. Съ другой стороны, сюда же приводили караванныя дороги Востока. Изъ Багдада шелъ торговый путь черезъ Эфратъ на Ракку и тамъ раздѣлялся на двѣ вѣтви: одна вела черезъ Алеппо къ Антіохіи и Лаодицеѣ, другая—южная—кончалась у Тортозы и Триполиса. Городъ Алеппо былъ соединенъ караваннымъ путемъ съ Дамаскомъ, откуда ходили караваны паломниковъ въ Мекку. Дамаску, какъ древнему центру восточной торговли, еще легче было питать рынокъ товаровъ на сирійскомъ берегу: знаменитыя затканныя золотомъ матеріи и ковры работались на мѣстѣ въ самомъ городѣ, а пряности шли сюда изъ Индіи. Съ Запада на берега Палестины привозились оружіе, сукна, лошади, хлѣбъ, а изъ Сиріи грузились обратно фрукты, вина, сахаръ, хлопокъ, шелкъ, шерсть армянскихъ овецъ и козъ. Но особенно важна была для Европы закупка тѣхъ пряностей, ароматовъ и красокъ, родиной которыхъ были отдаленные части Азіи. Перечень левантскихъ товаровъ свидѣтельствуетъ, насколько широко развѣтвля-

лась левантская торговля и какъ глубоко проникала она уже на Востокъ.

Знаменитая амбра шла изъ Аравии. Арабы часто находили куски этого твердаго, сѣроватаго, подобнаго воску вещества, которое при нагрѣваніи испускало тонкій ароматъ. О ея происхожденіи ходило на Востокѣ много басенъ—и не удивительно: амбра встрѣчалась то въ волнахъ моря, то на берегу, то среди скаль, куда, можетъ быть, заносили ее птицы, а иногда во внутренностяхъ нѣкоторыхъ рыбъ, проглотившихъ ароматичные кусочки. Въ дѣйствительности, это было болѣзньенное образованіе въ тѣлѣ одного китовиднаго кашалота. На Востокѣ изъ амбры дѣлали четки, кресты, цѣлые статуэтки. Бальзамомъ славился Египетъ. Здѣсь въ саду, принадлежащемъ султану, надрѣзывались кора деревца, или обрывались листья, побѣги, и собирался драгоценный сокъ. Этотъ лучшій сортъ бальзама раздавался султаномъ въ подарокъ государямъ, вельможамъ и въ госпитали; въ продажу шелъ только остатокъ или то, что садовники выжимали изъ обрѣзковъ. Это ароматичное вещество употреблялось и какъ лѣкарство и для цѣлей богослуженія, наприм., въ св. елеѣ. Гвоздика, какъ лѣкарство и приправа, извѣстна была еще со временъ каролинговъ, но она всегда была въ два—три раза дороже перца, потому что единственнымъ мѣстомъ, гдѣ росли гвоздичный деревья, были отдаленные Молуккскіе острова. Имбирь шелъ изъ Индіи, а корица изъ Китая и съ Цейлона. Лучшій ладанъ добывался изъ древесной смолы на Кипрѣ и въ Малой Азіи, а лучшій мускусъ—въ Тибетѣ изъ сумчатой железы мускуснаго быка (самца кабарги). Мускатный орѣхъ доходилъ, можетъ быть, съ Зондскихъ острововъ, ревень—изъ Китая сухимъ путемъ черезъ пустыни центральной Азіи, а перецъ—съ Малабарскаго берега Индіи и Цейлона; это была наиболѣе распространенная приправа: въ Средніе Вѣка перцемъ оплачиваются иногда пошлины, но цѣна его была настолько высока, что низшимъ классамъ онъ оставался недоступнымъ. Шафранъ и сахарный тростникъ встрѣчались и въ южной Европѣ, и въ Палестинѣ, но лучшіе сорта все-таки доставлялись магометанскими купцами изъ Персіи и Египта. На берегахъ Персидскаго залива открыть былъ и способъ рафинировки сахара, а оттуда арабы распространили его на З. и на В. Вслѣдствіе своей дороговизны сахаръ употреблялся въ Средніе Вѣка сначала болѣе какъ лѣкарство при грудныхъ болѣзняхъ, и только позднѣе пошли въ торговлю фрукты въ сахарѣ; впрочемъ въ Византіи уже во времена Комnenovъ было въ обычай пить воду съ сахаромъ. На-

конопль, энимамъ, ароматичный сокъ дерева *Boswellia*, ввозился тоже изъ Аравии, какъ и амбра. На ряду съ ароматами и пряностями, Востокъ доставлялъ и другой москателный товаръ—краски и всякия смолы. Наприм., растеніе алоэ (*Aloe*) произрастало главнымъ образомъ на островѣ Сокотра; высушенный сокъ различныхъ породъ алоэ (сабуръ) употреблялся какъ лѣкарство или примѣшивался къ нѣкоторымъ краскамъ. Корень галанга, известный какъ лѣкарство и горячительная приправа, привозился изъ Китая и южной Азіи. Индиго удачно разводилось ради краски близъ Кабула и въ Персіи, а камфара доходила лишь изъ Китая, и можетъ быть, съ Суматры, где добывались самые дорогіе сорта. Кошениль встрѣчалась и въ южной Европѣ, и въ Греціи, и въ Арменіи на особомъ видѣ дуба; это насекомое давало фиолетовую краску. Точно также и марена разводилась какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ, наприм., въ Грузіи. Квасцы для крашенія, золоченія и дубленія получались изъ Малой Азіи, камедь—изъ Indo-Китая и Индіи съ Коромандельского берега: здѣсь на нѣкоторыхъ породахъ деревьевъ тысячами размножалась особая тля (*Coccus haasca*), протачивала кору вѣтвей и, смѣшиваясь съ выступавшимъ на поверхность смолистымъ сокомъ, придавала ему красный цветъ; такая застывшая камедь шла на окраску и полировку. На приготовление лаковъ и какъ курево употреблялся и другой смолистый сокъ деревьевъ—мастика, добывавшаяся преимущественно на островѣ Хіосѣ. Красный сандалъ, дававший краску, средневѣковые путешественники находили на Коромандельскомъ берегу, но арабы чаще всего говорять о томъ желтомъ и бѣломъ сандалѣ (*Santalum album*), душистое дерево котораго шло на курево; его можно было найти въ обѣихъ Индіяхъ. Другое душистое дерево—дерево алоэ (*Aquilaria agallocha*)—было родомъ изъ Indo-Китая; въ Китай и Индію оно ввозилось, какъ курево при богослуженіи, а въ Европѣ шло на мелкія подѣлки, наприм., ящички и числилось въ спискѣ лѣкарствъ. Къ левантскимъ товарамъ относили также драгоценные камни, жемчугъ, кораллы, стекло, порцеланъ, слоновую кость, шелкъ, хлопокъ, ковры и восточные ткани. Въ Египтѣ находили смарагды, въ Персіи—бирюзу, въ Индіи—сафиры и алмазы, на Цейлонѣ—топазы, рубины, гранаты, аметисты, въ Персидскомъ заливѣ и въ проливѣ близъ Цейлона—жемчугъ. Родиной шелка считался Китай, но въ эпоху крестовыхъ походовъ тутового дерева и шелковичные черви разводились и въ Средней Азіи, и въ Персіи, и въ Сиріи, и даже въ Сицилии.

Левантская торговля не останавливалась на берегахъ Среди-

земного моря: изъ Сѣверной Италии черезъ Альпы товары Востока шли въ города Германии: Регенсбургъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ, Ульмъ. Въ Венеции былъ громадный складъ итальянскихъ купцовъ (*Fondaco dei Tedeschi*), куда стекались какъ произведенія германской промышленности для вывоза, такъ и левантскіе дорогіе товары. Для распространенія восточныхъ тканей и приностей по Франціи, итальянскіе купцы посыпали не только ея южныя гавани, но и многолюдную ярмарку въ Шампань. Эта отрасль торговли была такъ важна для всѣхъ европейскихъ народовъ, что никакія запрещенія и ограниченія со стороны католической церкви не могли ни остановить ее, ни сократить. Церковь вообще находила предосудительными мирные сношенія съ магометанами, а доставку имъ боевыхъ припасовъ — прямо таки преступлениемъ. Тщетно однако издавали свои запрещенія папы Александръ III и Иннокентій III: Венеция, Генуя, Каталонія попрежнему снабжали Египетъ военными материалами. Въ 1308 г., когда уже было поздно, папская курія запретила, наконецъ, всякую вообще торговлю съ невѣрными; но никто не обратилъ на это вниманія; эта мѣра не могла остановить даже позорной торговли рабами. Хотя, по законамъ Генуи, рабыма-гометане съ береговъ Чернаго моря могли вывозиться въ Египетъ только купцами—магометанами же, однако генуэзскіе судохозяева обходили законъ, отдавая свои корабли въ наймы восточнымъ рабопромышленникамъ. Напротивъ, продажа магометанъ на Западъ въ руки христіанъ была дозволена: рабы, проданные Кипчакской ордой татаръ или плѣнныя сарацины изъ Сиріи тысячами попадали на рынки Генуи и Венеции. Даже принимая крещеніе, эти несчастные nevergusta получали свободу.

Развѣтвляясь по Европѣ и Азіи, левантская торговля вела къ развитию денежного хозяйства, обмѣна различныхъ монетныхъ единицъ и вексельныхъ оборотовъ, вызванныхъ къ жизни уже крестовыми походами. Вѣдь, каждый крестоносецъ бралъ съ собой деньги въ монетѣ своей родины. До сихъ поръ въ Палестинѣ находять изъ эпохи крестовыхъ походовъ монеты Фландріи, Артуа, Беарна, Пропанса, Кастилии, Арагоніи и различныхъ итальянскихъ городовъ, затѣмъ монеты германскихъ императоровъ и архіепископовъ Кёльна и Майнца, монеты англійской чеканки и византійскіе типы, отчеканные норманнами въ Неаполѣ, Салерно и Беневентѣ. Въ Палестинѣ крестоносцы нашли уже въ обращеніи греческую и арабскую монету, а бароны вновь завоеванныхъ феодовъ вскорѣ стали чеканить свою собственную, по большей части мѣдную и мелкую

Монета.

серебряную монету для обращенія въ странѣ. Впрочемъ, для крупныхъ торговыхъ оборотовъ, въ особенности съ Востокомъ, возникла особая золотая монета—это Byzantii sargacenati, чеканившіяся въ Акконѣ, Тирѣ, Триполисѣ. На этомъ франкскомъ золотѣ вычеканены были арабскія надписи изъ корана съ именами калифовъ и годовъ геджры. Чеканка „саарацинскихъ бизантіевъ“ составляла привилегію венеціанцевъ. Съ Людовикомъ IX прибылъ въ Св. Землю папскій легатъ—кардиналъ и епископъ Тускулумъ Эдъ де-Шатору; онъ нашелъ, что обращеніе въ странѣ монеты съ надписями изъ корана составляетъ оскорблѣніе для христіанства и идетъ въ разрѣзъ съ цѣлями крестовыхъ походовъ; поэтому онъ подъ страхомъ отлученія отъ церкви запретилъ ихъ употребленіе. По его ходатайству, папа Иннокентій IV подтвердилъ это запрещеніе. Дабы торговыя сношенія съ Востокомъ не терпѣли ущерба отъ недостатка подходящей монеты, венеціанцы продолжали чеканить золото по арабскимъ образцамъ и съ надписями арабскими буквами, однако по своему содержанію эти надписи стали теперь христіанскими: въ серединѣ монеты можно найти даже крестъ. Обилие сортовъ денегъ вело къ развитію промысла мѣняль и понятію денежнаго курса, т.-е. пропорціи, въ какой обмѣнивались различные сорта монеты. Для перевода въ Палестину большихъ суммъ денегъ стали употреблять векселя и тратты (т.-е. переводы суммы денегъ, внесенной, напр., банкиру въ Генуѣ въ одной монетной единицѣ, на другого банкира въ Палермо съ уплатой въ иной монетѣ). Банкирскими операциями, связанными съ крестовыми походами, занимались въ большихъ размѣрахъ тампльеры. Когда сиръ де-Жуанвиль получилъ приказаніе взять у тампльеровъ сумму въ 30 тысячъ ливровъ, которой не хватало для выкупа Людовика Св., то онъ силой проинкъ въ сокровищницу магистра ордена и овладѣлъ заемообразно вкладами богатыхъ паломниковъ и крестоносцевъ, положенными туда на храненіе. Но храмовники не только принимали вклады, но и давали взаймы: у нихъ занимали Людовикъ VII и Генрихъ III Англійскій; но круглые суммы, проставленныя въ долговыхъ распискахъ, наводяли на мысль, что ссуды дѣлались за процентъ, которые ради тайны приписывались къ капиталу. Черезъ посредство духовно-рыцарскихъ орденовъ переводились въ Палестину и пожертвованія, собранныя на Западѣ римской церковью въ пользу крестоносцевъ.

Італіанскія колонії. Левантская торговля вызвала къ существованію цѣлую сеть европейскихъ колоній на берегахъ Сирии, Архипелага и Чернаго моря. И въ торговлѣ и въ городской жизни Палестины видная роль